

УДК 903.26

Н.Б. Крыласова

Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН
ул. Пушкина, 44, Пермь, 614990, Россия
E-mail: belavin@pspu.ru

РИСУНОК НА АМУЛТЕ С РОЖДЕСТВЕНСКОГО ГОРОДИЩА – ОЧЕРЕДНАЯ СТРАНИЧКА СРЕДНЕВЕКОВОГО МИФА О ВСАДНИКЕ

В статье рассматривается вырезанный из сломанного гребня роговой амулет с прочерченным рисунком. На нем представлен хорошо известный как по средневековым изображениям Урала, так и по этнографическим материалам сюжет с всадником, хищной птицей и светилами. Большинство авторов сопоставляют его с образом небесного всадника, культурного героя, персонажем мифологии обских угров. Уникальность рисунка на амулете в том, что всадник показан скачущим по небу, а не по земле, как на всех известных изображениях. Эта композиция иллюстрирует повествование мифов о том, как герой «объезжает мир на высоте облаков». Рисунок на амулете дополняет наши представления об особенностях формирования культа небесного всадника у угорских народов Урала и Западной Сибири.

Ключевые слова: Пермский край, Рождественское городище, средневековье, амулет, образ всадника, Мир-сусне-хум, угорская мифология.

Крупнейшим средневековым памятником Пермского края является Рождественский археологический комплекс (два городища, неукрепленный посад, два могильника) на р. Обва. Центральное место в нем занимает Рождественское городище – торгово-ремесленный протогород конца IX – XIV в., который соотносится с известным по арабским письменным источникам городком Афкула [Белавин, Крыласова, 2008]. Как в любом средневековом городе, население здесь было полиэтничным: местные финно-угры (преимущественно угры) – носители ломоватовско-родановской культуры, ремесленники и купцы из Волжской Булгарии, выходцы с соседних финно-угорских территорий, из Северо-Западной Руси и пр.

В 1992 г. на раскопе V Рождественского городища в верхнем слое XII–XIV вв. был обнаружен весьма любопытный роговой амулет. Сначала его интерпретировали как «квадратный амулет с резной головкой», относящийся к болгарским подвескам-амулетам [Белавин, 2000, с. 123, рис. 61, II], которые получили распространение в связи с исламизацией общества, имели арабские прототипы и служили разделителями

четок [Закиева, 1988, с. 235]. Затем этот предмет был отнесен к группе амулетов-гребней, широко представленных в Предуралье [Крыласова, 2004, с. 55, рис. 1, 17]. находка пролежала в хранении Музея археологии и этнографии Урала Пермского государственного университета 15 лет. И однажды при очередной разборке коллекции при определенном освещении на предмете случайно был замечен полустертый прочерченный рисунок, включающий композицию с всадником [Белавин, Крыласова, 2008, с. 399, рис. 194, 22; 195].

Амулет представляет собой подтрапцевидную роговую пластину (ширина 2,2–2,7 см, высота 2,5, толщина 0,6 см) с ромбовидным навершием (рис. 1). По нижнему краю с обеих сторон имеются короткие вертикальные насечки, которые и дали основание предполагать, что данный предмет – имитация гребня [Крыласова, 2004]. Правда, со временем мы стали иначе расценивать их происхождение. Наверное, логичнее предположить, что амулет был вырезан из сломанного гребня, о чем косвенно свидетельствует наличие горизонтальной полосы вдоль надрезов на оборотной стороне предмета. Такие полосы, являю-

щиеся метками для нарезания зубьев, наблюдаются на большинстве известных костяных гребней Пермского Предуралья. Причем, вероятнее всего, вторичное изделие было изготовлено ради сохранения имевшегося на предмете рисунка. Сюжетные прочерченные рисунки известны на гребнях с городищ Иднакар и Анюшкар. На двух иднакарских зооморфных гребнях представлены композиции с антропоморфными фигурами. На одном, по мнению исследователей, динамичный сюжет: сражающиеся антропоморфные существа с перекрещенными палицами (между фигурами свастика); на другом – «антропоморфная фигура в торжественной позе» [Иванова, 1998, с. 170, рис. 70, 1, 13]. На трапециевидном гребне с городища Анюшкар Г.Т. Ленц увидела «изображение всадника на фоне горы с неясными деталями переднего плана» [2004, с. 71, рис. 7, 1].

Композиция, прочерченная на лицевой стороне рассматриваемого амулета (рис. 2), включает изображение всадника, скачущего в правую геральдическую сторону (влево от зрителя), за которым летит хищная птица. Под ногами коня опора в виде горизонтальной линии. Фигура человека весьма условна, и это не удивительно при таком мелком масштабе рисунка. Видно, что он сидит верхом в обычной позе всадника, туловище немного откинута назад, приподнятые руки разведены в стороны. Правая поднята чуть выше, и в ней, вероятно, находился какой-то предмет, изображение которого частично стерлось. Внизу композиции показаны солнце под горизонтальной линией и справа от него луна, точнее, полумесяц. Над фигурой всадника по дуге располагаются две параллельные линии, выполненные короткими пунктирными штрихами. В левом верхнем углу пластины изображение, которое может быть интерпретировано как летящая вверх птица (лебедь, гусь) или как натянутый лук со стрелой. Кроме основной композиции, на амулете есть еще несколько знаков. На оборотной стороне примерно по центру просматривается нечеткое изображение, напоминающее крест с загибающимися вправо концами (разновидность свастики?). На ромбовидном выступе для привязывания шнура на обеих сторонах прочерчены кресты, скорее всего являющиеся метками для отверстия, которое по каким-то причинам не было просверлено. Но нельзя полностью исключать и возможного символического значения этих знаков.

Композиция вызывает значительный интерес в плане развития наших представлений о содержании мифов, главным персонажем которых является Всадник. Его изображения зафиксированы на широком круге разнообразных предметов, распространившихся в эпоху средневековья по обе стороны Урала. Первые, с кем вызывает ассоциации всадник на рассматриваемом рисунке, это «сокольничьи» – изображения всадников

Рис. 1. Роговой амулет с Рождественского городища.

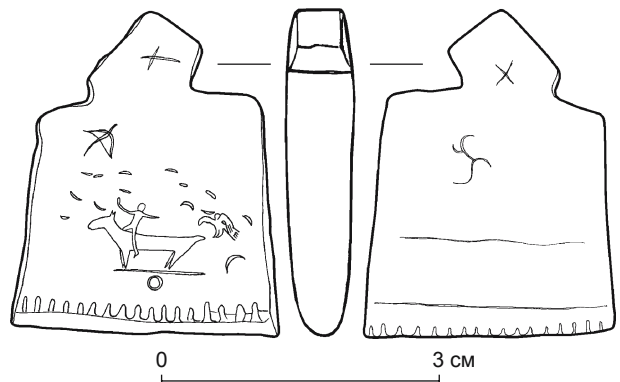

Рис. 2. Прорисовка амулета.

с ловчей птицей. Наиболее ранние из них, по мнению Н.В. Федоровой, зафиксированы на серебряных блюдах т.н. венгеро-уральской группы IX–X вв., производившихся где-то в Предуралье [2003, с. 141–143]. Но, вероятно, одновременно или даже несколько раньше в Пермском Предуралье появились культовые литые плакетки, где фигурам всадников также сопутствовали изображения хищных птиц (напр.: [Оборин, 1976, № 57]). Причем на одной из них изображено солнце, помещенное перед конем. Эти плакетки, в свою очередь, соотносятся с литыми подвесками IX–XI вв., известными в историографии как «всадник на змее» [Смирнов, 1952, с. 268–270; Голубева, 1979, табл. 16; Рябинин, 1981, табл. IX; X, 1; Чиндина, 1991, рис. 30, 9–13]. Но наиболее всего сходство в элементах композиции прослеживается с предметами, определяемыми как «бляхи с сокольничим», «медальоны с охотничьим сюжетом» [Белавин, 2004]. На них, как и на рассматриваемом амулете, изображены всадник, хищная птица, солнце и полумесяц (рис. 3). На большинстве изображений всадник в поднятой левой руке держит рог [Там же, с. 335–336]. Возможно, именно такой рог был в руке всадника на рассматриваемом рисунке. И наконец, аналогичное, хотя и сильно стилизованное изображение

Рис. 3. Бляха с «сокольничим». Пермский край, браконьерские сборы 2002 г.

Рис. 4. Жертвенное покрывало сынских хантов с изображением всадников (по: [Сынские ханты, 2005, с. 223]).

представлено в этнографических материалах на жертвенных покрывалах *ялтынг-улама* обских угров (рис. 4) [Гемуев, Бауло, 2001; Сынские ханты, 2005].

В чем же уникальность композиции на амулете? Во-первых, обращает на себя внимание расположение светил. Если на бляхах с «сокольничим» они помещены над фигурой всадника (чаще солнце справа, луна слева), то в рассматриваемой композиции они находятся внизу, под основанием, на котором стоит конь, солнце слева, луна справа. Во-вторых, на большинстве изображений (за исключением культовых плакатов) птица спокойно сидит на сгибе локтя всадника,

а на нашем рисунке – летит за конем, как бы догоняя всадника. В-третьих, фигура всадника обычно (за редкими исключениями) ориентирована вправо от зрителя, а здесь – влево.

Рассматривая изображения, привлеченные нами в качестве аналогов, большинство авторов (особенно в публикациях последних лет) сопоставляют их с образом небесного всадника, культурного героя. Подобный персонаж можно встретить в мифологии различных народов Урала и Западной Сибири. Но наличие на изображениях всадников ряда специфических атрибутов позволило исследователям совершенно оправданно сопоставить их с наиболее актуальным персонажем мифологии обских угров, известным под множеством имен, из которых более употребительно *Мир-сусне-хум* – «Человек (мужчина), осматривающий мир» или «Человек, надзирающий за миром» [Гемуев, Бауло, 2001; Белавин, 2004; Казаков, 2007, с. 27]. Не будем вдаваться во все подробности характеристики данного образа, а также в аргументы, позволяющие соотносить его с известными средневековыми изображениями, поскольку эта тематика хорошо проработана в историографии. Коснемся только одного момента, напрямую связанного с композицией на амулете. В верованиях и обрядовой поэзии *Мир-сусне-хум* рисуется как всадник на белом (иногда крылатом) коне, объезжающий мир на высоте облаков, это «царь идущих облаков» [Мифы..., 1990, с. 18]. Считалось, что он каждые сутки объезжает вселенную, наставляя людей на путь истинный, помогая праведно живущим, наказывая виновных. Поэтому его еще именуют *Ма-эхне-хум* – «Человек, объезжающий землю», *Вит-эхне-хум* – «Человек, объезжающий воду» [Гемуев, 1990, с. 191]. Согласно верованиям обских угров, «когда во время своих объездов *Мир-сусне-хум* желает спуститься на землю, то его прислужники предварительно ставят для ног коня четыре металлических тарелочки с изображением нередко солнца» [Гондатти, 1888, с. 19], которые обязательно имеются на угорских святилищах. На всех до сих пор известных изображениях всадник, несомненно, находится на земле: светила над его головой, у ног – различные животные. А в композиции на амулете мы видим его непосредственно в момент путешествия по небу, над светилами. Возможно, именно с этим связана иная ориентировка фигуры – по ходу солнца. Как уже упоминалось, под копытами коня прочерчена горизонтальная линия, т.е. всадник скачет не по воздуху, а по какой-то тверди. Объяснить это можно с позиций обско-угорской мифологии. По мансийским представлениям, небо состоит из трех ярусов, по хантыйским – из семи. Оно соединяется с землей отверстием [Мифы..., 1990, с. 16]. В каждом ярусе неба подразумевается некая твердь, по одной из которых и скачет всадник,

изображенный на амулете. Таким образом, эта композиция – еще один кусочек мозаики, дополняющий наши представления об особенностях формирования культа небесного всадника у угорских народов Урала и Западной Сибири.

Интересно понять, что за изображения размещаются в композиции над всадником. Две параллельные дугообразные линии, нанесенные пунктиром, ассоциируются с чем-то эфемерным, слабо различимым. В фольклоре есть упоминание Млечного Пути, который нижнекондинские манси называли «Следом лыж Малого князя». Малый князь (*Вись-отыр*) – знаменитый дух-покровитель, ему, как и Мир-сусне-хуму, приносились в жертву лошади [Мифология..., 2001, с. 44–45]. Этнографы давно отмечают наличие множества параллелей угорской мифологии с иранской, в частности с митраизмом. Высшее божество древних иранцев Зрван. Армянское точное фонетическое соответствие основы иранского имени Zrvan-tzēr означает «круг, арку, небесный свод и великую арку, которая опоясывает Млечным Путем небосвод» [Гемуев, 1990, с. 191]. Нас в этом описании интересует исключительно Млечный Путь, который представляется в виде арки, опоясывающей небосвод, его границы. Следовательно, выше, над пунктирными линиями на нашем рисунке, – уже космос. Там мы видим фигуру, которая больше похожа на лук с натянутой тетивой и стрелой, хотя ее можно воспринимать и как летящую птицу. Общий контекст композиции позволяет трактовать данный элемент как какое-то созвездие. Однако, если интерпретировать его все же как летящую водоплавающую птицу, то можно предположить, что это изображение одной из наиболее распространенных ипостасей Мир-сусне-хума – гуся.

Подобные археологические находки показывают, какие интересные перспективы в плане изучения становления мифологии могут еще ожидать исследователей. А плодотворное сотрудничество этнографов и археологов поможет как расшифровать, «оживить» найденные в земле предметы, которые когда-то имели особую значимость, так и понять рудименты традиционных представлений, сохранившиеся в современной культуре, но утратившие свое объяснение.

Список литературы

Белавин А.М. Камский торговый путь: Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2000. – 200 с.

Белавин А.М. К вопросу об изображениях Мир-сусне-хума из Прикамья и Зауралья // Удмуртской археологи-

ческой экспедиции – 50 лет: мат-лы Всерос. науч. конф. – Ижевск, 2004. – С. 331–339.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественск. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2008. – 603 с.

Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.

Гемуев И.Н., Бауло А.В. Небесный всадник: Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 160 с.

Голубева Л.А. Зооморфные украшения финно-угров. – Л.: Наука, 1979. – 112 с. – (САИ; вып. Е1-59).

Гондатти Н.Л. Следы языческих верований у инородцев Северо-Западной Сибири. – М.: [Тип. Потапова], 1888. – 91 с.

Закеева И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 220–243.

Иванова М.Г. Иднакар: Древнеудмуртское городище IX–XIII вв. – Ижевск: УДИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 294 с.

Казиков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань: Ин-т истории АН Татарстана, 2007. – 208 с.

Крыласова Н.Б. Гребни из материалов Рождественского городища на р. Обва как показатель этнокультурных связей // Пути средневековых торговцев: сб. мат-лов «круглого стола» в рамках Междунар. (XVI Уральского) археол. совещ. – Пермь, 2004. – С. 47–57.

Ленц Г.Т. Гребни городища Анюшкар // Пути средневековых торговцев: сб. мат-лов «круглого стола» в рамках Междунар. (XVI Уральского) археол. совещ. – Пермь, 2004. – С. 58–78.

Мифология манси: Энциклопедия уральских мифологий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 2. – 196 с.

Мифы, предания, сказки хантов и манси. – М.: Наука, 1990. – 568 с.

Оборин В.А. Древнее искусство народов Прикамья: Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1976. – 190 с.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. – Л.: Наука, 1981. – 124 с. – (САИ; вып. Е1-60).

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. – М.: Наука, 1952. – 276 с. – (МИА; № 28).

Сынские ханты / под ред. А.В. Бауло. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 352 с.

Федорова Н.В. Торевтика Волжской Болгарии: Серебряные изделия X–XIV вв. из зауральских коллекций // Тр. Камской археол.-этногр. экспедиции. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. – Вып. 3. – С. 138–153.

Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1991. – 182 с.

Материал поступил в редколлегию 15.01.09 г.